

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**ДОЛЛАРЫ
В ЧЕМОДАНЕ,
ТРУП В БАГАЖНИКЕ**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — *Анастасия Чаругина*

Ранее книга издавалась под названием
«Адам женится на Еве»

Соболева, Лариса.

С54   Доллары в чемодане, труп в багажнике :
[роман] / Лариса Соболева. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2015. — 416 с. — (Детектив
по новым правилам).

ISBN 978-5-17-087780-5

Простая девушка Дана, впервые попавшая на светское мероприятие, становится свидетелем убийства. Жертва перед смертью успевает передать ей замшевый футляр с маленьким ключиком. Так получилось, что еще в ее руках оказались большие деньги и мобильный телефон, а спасаясь бегством, Дана угоняет машину, не подозревая, с каким сюрпризом в багажнике. Убегая от спохватившихся братков, девушка не представляет, в какой переплет она попала... Но судьба в конце концов оказывается благосклонна и дарит ей настоящего друга...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Л. Соболева
ISBN 978-5-17-087780-5   © ООО «Издательство АСТ», 2015

1

— Прикинемся сестричками.

Держась за дверцу автомобиля, Неля с коварной улыбочкой захватчицы всматривалась в особняк вдали за оградой, заманчиво сиявший электрическими огнями. Посмотришь на нее — ни дать ни взять бизнесвумен, на самом деле за душой у нее ни бакса, тем более фирмы. Фразу она адресовала не Дане, которая выбиралась из «Мерседеса», а бросила вообще, будто произнесла девиз перед абордажем. В сущности, так и есть — предстоит самый настоящий абордаж, но это задача Нели. Дана же всю дорогу, можно сказать, ловила собственное сердце во всех частях тела, которое то в коленках билось, то уходило в пятки, то ныло в груди. Если бы кто-нибудь объяснил, зачем она согласилась на идиотскую авантюру, не имея к этому ни малейшего призвания? Потаскилась за компанию. Вот-вот, так и становятся преступниками — за компанию. Когда Дана поправила маленькое розовое платье на бедрах и сумочку на плече, Неля царственно сказала приятелю, сидевшему за рулем:

— Наше тебе сэнк ю вери мач.

И захлопнула дверцу изящным движением руки: «Мерседес» бесшумно укатил. Подмигнув Дане, Неля зашагала к воротам неторопливо

и уверенно, как ходят настоящие львицы в шоколаде и карамели, приправленные соусом из стержней. Дана поплелась за ней, а ноги просто не шли к воротам.

— А ну как не пустят — вот будет позорище, — пробубнила она.

— Кто не пустит? — фыркнула Неля и указала на охрану у ворот. — Вон та кучка дармоедов? Это тебе не Москва. Там проникнуть на светский прием — высший пилотаж. Профессиональные халявщицы прорываются даже на пьянку к президенту.

— Ну ты и загнула, — не поверила Дана.

— Клянусь, — вяло бросила Неля. Основную работу по обработке Даны она провернула три дня назад, поэтому не тратилась зря.

— Что ж ты в Москве не осталась?

— Потому что там своих халявщиц навалом, да и раскусывают их охранники чаще, чем хотелось бы. Я внедрю эту профессию у нас, пока тут непаханое поле и местные лапоньки ушами хлопают. Наши олигархи не хуже московских. Посмотри, какой особнячок отгрохал Бабаджанов. Миленький. Огромненький. Нескромненький.

— Ты на Бабаджанова имеешь виды? — изумилась Дана.

— Как повезет. А что ты так вытаращилась? Повысь самооценку, дурочка, только выиграешь от этого.

Ей хорошо рассуждать, она несколько лет ошивалась в Москве, нахваталась там всяких премудростей, как собака блох, да и возрастом старше, следовательно, опыта имеет больше. Дана по сравнению с ней нуль нулем. Внешне тоже. Ну, хорошенькая,

так хорошеньких вокруг миллион с тысячами
6 и еще чуть-чуть. Нелька же тянет на журналь-

ный вариант, правда, когда покрашена, причесана и одета. И когда не смотришь на ее профиль, нос у нее великоват, собственно, профиль Нели не попадет на монеты, посему бог с ним. Зато все остальное предмет для зависти: высокая, худая (на диетах сидит, потому что экономия существенная), с длинными руками и ногами, красно-рыжая, словно пожар. И язык у нее подвешен, и комплексов нет, и что за тридцать — не помеха: за ней мужики без счета ползают на пузе, но это же все не то для нее, даже если кавалер с «Мерседесом». Как не удалось ей в Москве зацепиться с ее-то предприимчивостью — загадка.

Дана увидела себя со стороны рядом с шикарнейшей подругой и не пришла в восторг от сравнения. Рост сто шестьдесят (это не рост, а глумление природы над женщиной), конечно, жировых отложений нет, но при таком росте на узкой грудной клетке третий номер бюста как нечто аномальное. Следующие изъяны: черные волосы — не сексуально (а выкрасить их в другой цвет — заморишься краску покупать), крупные черты лица — не актуально, пропорциональная фигура — не вписывается в стандарт длинноногих топ-моделей. Нет, Дана вовсе не серая мышь, но все равно мышка без шансов стать львицей.

— Зато у нас вероятность встретить знакомых приравнивается к пятидесяти процентам из ста, — вздохнула Дана.

Неля остановилась, повернулась к ней и, переплетя пальцы у плоского живота, с видом старшей сестры, которую достали вопросы малышки, произнесла:

- У тебя много знакомых богачей?
- Вообще нет.

— Чего ж ты дергаешься? — И продолжила путь. — Все, закрой рот, рожу сделай надменную, а то из-за тебя не пройдем фейсконтроль.

Дана попыталась соорудить на лице надменность, но чувствовала себя воровкой, которую вот-вот поймают за руку. Тем временем Неля затрещала, подходя к «блокпосту» у ворот:

— Хватит пререкаться. Я с тобой везде опаздываю, ты у меня как тормоз. Одно могу обещать: больше не возьму тебя с собой никогда...

— Вы кто? — спросил охранник, когда подружки перешли границу частной собственности.

Неля остановилась, будто получила удар плеткой по спине, медленно повернула пышную голову к нему, приподняла брови и высокомерно спросила:

— Это ты мне?

— Вам. — Он сконфузился.

Второй охранник отступил на два шага назад, не желая приключений на свою голову, третий сделал вид, будто не видит двух девиц.

— Мое имя, мальчик, Неля Владимировна, — сказала она с королевским величием. — Тебе все анкетные данные перечислить?

— Да нет, — еще больше смутился он. — Просто все гости давно собрались...

— А нас нет, значит, не все, — перебила его Неля и подтолкнула Дану. — Ты-то чего стала? Иди, черт возьми. Господи, ну и бестолочь.

И две неприглашенные девушки прошли! Дану в жар и холод бросало, от чего испарина, покрывшая спину и живот, то закипала, то едва в лед не превращалась. Безусловно, она бешено волновалась и трусила. Волнение не прошло и тогда, когда шли по аллее между елками и туями, между матовыми шариками-фонариками. Обмахиваясь ма-

ленькой плоской сумочкой, Дана высказала старые опасения:

— А вдруг раскусят и выгонят? Со скандалом?

— Ты мне надоела, — засмеялась Неля. — Видишь, сколько народу? С кем мы пришли, кто такие — никого не будет интересовать. Мало ли кто привел баб с собой. Теперь запомни: много не пей...

— Я вообще не пью.

— От волнения и трезвенники умудряются налажаться, а ты дрожишь как заяц. О себе правду не рассказывай, останься загадкой. Больше молчи. У нас задача завести полезные знакомства, повезет — закадрить мужика, чтобы оплачивал наши капризы. Ну и потусоваться. Выпьем дорогих напитков, поедим изысканных блюд, потанцуем. Согласись, шикарная тусовка с контингентом высшего ранга в тысячу раз интересней дерьмовой дискотеки с бритоголовыми психами и дешевым пойлом. В этом и есть смысл халявы, поняла?

— Как же закадрить, не разговаривая? — недоумевала Дана.

— Включи интуицию, балда. Сейчас подойдем к столику, возьмем по бокалу и гуляем. Все, молчи, надень улыбку.

— А кому улыбаться?

— Просто улыбайся, — процедила Неля, показывая все свои зубы, немного напоминающие лошадиные, но у нее же нет комплексов.

Круглые столы с горками тарелок, бокалами и закусками стояли на лужайке перед домом, народу было полно, все нарядные, но какие-то деланные, в смысле — скованные. Или Дане так показалось? Она взяла длинный стакан с соломинкой, шествовала за подругой, которая кивала направо и налево.

— Ты многих знаешь? — успокоилась Дана.

— Никого, — развеяла покой Неля. — Я не конкретно кому-то киваю.

— Зачем же тогда кивать?

— Чтобы думали, будто мы свои в доску. Идем к фонтанчику.

Неля с Даной присели на валуны, изображающие дикую природу, с верхних камней тонкими струйками стекала вода в небольшое озеро. Неля достала сигарету, протянула пачку Данае, та отказалась:

— Да не курю я, сколько раз говорить?

— Учись. Хотя курить уже не модно, но сигарета — способ познакомиться и обратить на себя внимание...

Неля не договорила до конца фразу, вся собралась, будто готовилась к рекордному прыжку, — явно навела прицел на кого-то. В следующий миг она поднялась и, ни слова не говоря Данае, подошла к двум мужчинам, попросила прикурить. Завязалась с ними, о чем-то непринужденно болтая, — по всем признакам подруга откололась. Этого следовало ожидать! Дана чувствовала себя цветком в проруби. Эта Нелька просто черт в кипятке! Приехала, раскритиковала Дану в пух и прах, взялась опекать и воспитывать, мол, надо не работу искать на две копейки, а мужика с бабками.

Еще надеясь, что подруга вернется и чтобы немного оправдать свое сидение на камне, словно Алenuшка у водоема перед утоплением, Дана стала смотреть на стекавшие струйки воды и думать. А думала она о том, куда завтра пойти, где эту долбаную работу найти, чтобы дед не пил. Окончив радиотехнический институт, она поработала на жирную и крикливую крестинку в качестве официантки. Потом приятель

10 затащил ее в супермаркет продавцом, потом бу-

мажки перекладывала с одного края стола на другой, собирала подписи начальников и била главного по рукам, когда он щекотал ее ребра или тыкал пальцем в грудь. У начальника не хватило выдержки, он придрался к чепухе и уволил Дану. Теперь, чтобы получить карманные деньги, она садится за руль дедовской иномарки и помогает ему реализовать дачную продукцию на рынке — самое место для высшего образования. К тому же козел Женья, так называемый бойфренд, пропадает неделями, потом является и клянется в любви, но Дана ему не верит, давно не верит. Это не жизнь, это черт-те что! А хочется чего-то особенного, красивого, полнометражного, иначе зачем на свет выпрыгнула из мамочки?

— Скучаете?

Дана вздрогнула и перевела испуганный взгляд на мужчину. Потрепанный типчик, пьет, наверное, каждый вечер, баб меняет раз в месяц. Навскидку ему лет сорок, потому что виски тронул иней старости, одет в дорогой костюм цвета какао. Не-а, не вдохновил, однако не торчать же в этом парке отдыха одной.

— Скучаю, — призналась Дана.

— Я тоже. — Он присел на камень, где десять минут назад сидела Неля, закинул ногу на ногу и сцепил на колене пальцы. — А что здесь делает такая славная девочка?

— Девочка, как и вы, притащилась пить коктейли, — ершисто сказала она. Терпеть не может, когда ее называют девочкой. — А молочных не подают.

Он рассмеялся, запрокинув голову, Дана же смешно не стало, она подумывала уйти отсюда. Дура, поддавалась гипнозу Нельки, чуть проституткой не стала. А он отсмеялся, но улыбался, рассматривая надутые, будто два вареника в

масле, губы Даны, распахнутые настезь наивные глаза, которые делают человека трогательно-доверчивым, как бы он ни хорохорился.

— Не обижайтесь, — доброжелательно сказал он. — Здесь собрались солидные зануды, у которых в глазах одни баксы. И вдруг гляжу — светлое создание грустит у фонтана...

— Вы дальтоник. Я черноволосая и смуглая.

Он снова рассмеялся, Дана — нет, у нее окончательно испортилось настроение. Вот прицепился, смехотрон!

— Как вас зовут? — спросил.

— Дана.

— А меня Семен Кириллович. — Он протянул руку, Дана пожала теплую и сухую ладонь, не убудет же от нее. — Как вы попали сюда, Даночка?

— С сестрой пришла, — хмуро сказала она, отыскав в толпе Нелю, а подруга забыла о ней. Дана буркнула: — Она меня бросила.

— Нехорошо поступила сестра, оставив вас на съедение дяденькам. Вы, наверное, учитесь в школе?

— Отучилась в институте, — желчно произнесла закипевшая Дана. — Три года назад. И сделала пластическую операцию, чтобы молодо выглядеть.

Она покосилась на него кисло-кисло. Нет, он действительно смехотрон, ему палец покажи — ржать будет полчаса.

— А вы не похожи на деток богатеев, Дана.

— На мне клеймо: бедная сиротка?

А ведь сиротка. Папа помер от алкогольных отравлений, маму носит по бескрайним просторам страны, раз в год она приезжает клянчить у деда бабки, после уносится искать счастье. И так

12 всю жизнь.

— Клеймо? — присматриваясь к ней, произнес он. — Пожалуй, есть: искренняя и славная.

— А я думала, вы скажете: красивая, изысканная... терпеливая! Потому что вынесла ваши насмешки. Проводите меня через эти джунгли, домой хочу.

— Оставайтесь, Дана. Обещан концерт.

— Правда? — не обрадовалась она. — А ужина не будет? Есть хочется.

— Ужина в общепринятом смысле не будет. Сегодня здесь стряпаются делишки под балдахином званого вечера.

— Вы говорите с иронией, — заметила Дана.

— Потому что шучу. Принести бутербродов?

— Ой, если нетрудно. — Через минуту Дана уплетала мизерные бутерброды, наколотые на шпажки. — Какие маленькие. Но удобно, рук не запачкаешь.

— Это канапе. Ешьте, ешьте... Кажется, начинают. Идемте ближе?

— Ладно, пошли...

Запихнув в рот сразу несколько бутербродов и вызвав новый приступ смеха у Семена Кирилловича, Дана, уплетая за обе щеки, встала, поправила платье, которое имеет свойство сползать по ногам не вниз, а вверх.

— Вам очень идет розовый цвет, — сказал Семен Кириллович, предлагая ей руку. — Вы как принцесса.

Вообще-то он ничего, не пошляк хотя бы. Дана взяла его под руку и проследовала с ним к свободным пластиковым креслам. На террасе расселись четверо музыкантов и запилили на все лады — тоскливо, жалобно и старомодно. В основном Дана рассматривала публику, которой явно до фонаря музыка, но гости старательно изобража-

ли кайф, можно сказать, улетали от слуховых галлюцинаций, вызванных скрипением смычков.

— Никогда бы не подумала, что эти люди способны слушать скрипки, — шепнула она Семену Кирилловичу на ухо.

— Дань западной моде, у нас теперь, как у них: приемы, коктейли, музыка вместо длинного и обильного застолья, — так же тихо сказал он. И со смешком указал на соседа: — А вот и подтверждение любви к искусству.

— Хр... Хррр... — слышалось мирное похрапывание толстяка.

Дана прыснула, а Семен Кириллович извинился:

— Простите, меня зовут.

Он ушел за дом — как жаль, Дана опять почувствовала себя сорняком среди розария. Через некоторое время на место Семена Кирилловича кто-то плюхнулся, Дана слегка скосила глаза посмотреть на нового соседа. Оценка «четыре»: молодой, симпатичный, светлый шатен, но с таким выражением, будто у него несварение или сейчас околочурится от приступа скуки. Он толкнул локтем храпуна, тот издал несколько хрюкающих звуков и вытаращил глаза перед собой.

— Не хочешь погулять? — сказал молодой человек, обращаясь неизвестно к кому, он смотрел на музыкантов.

Дана покрутила головой, но близко с соседом, кроме храпуна, никого не было. Она чуть подалась к нему:

— Вы мне?

— А кому еще? — Он перевел на Дану глаза.

От него несло самоуверенностью и снобизмом, Дана не любит такого рода парней. А что она любит? Все, что недоступно. Но есть один нюанс: она не сделала недоступность культом, к

которому бегут-гребут, не разбирая дороги и давя таких же гребцов-бегунков. Она даже не знает, как это делается. Отсюда все, что ей нравится, существует само по себе, где-то рядом, но не имеет отношения к ней, например, как здесь. А все же Дана стало интересно, как будет вести себя с ней этот сноб? В конце концов, раз удалось проникнуть к людям закрытого круга, почему не разведать о них побольше? Без цели разведать, из любопытства.

— Ну, давай погуляем, — согласилась она.

Они сидели «в последнем ряду», следовательно, не создали неудобств, уходя из «концертного зала». Дана не знала его интересов, поэтому предпочла молчать по совету Нели, а он тоже неразговорчив оказался. Но представился:

— Я Виталий.

— А я Дана.

Просто гуляли. К счастью, медленно. За свои двадцать пять Дана сто лет из них не ходила на высоких шпильках, да еще и на платформе. Дед купил платье и босоножки на выпускной в институте, еле выдавила из него. Она опасалась неловкости и неуклюжести со своей стороны, к тому же ноги быстро устали с привычки, ведь обычная ее обувь — кроссовки.

— Может, присядем? — предложила она.

— Вон ротонда, иди туда, — сказал Виталий, указав на круглую башню с колоннами в зарослях. — А я принесу выпивку.

— Нельзя ли воды? Очень пить хочется.

— Тебе принесу воды.

Дана побрела к ротонде, ковыляя по травке, — тре-клятые каблукы проваливались до самых пяток в землю. Но когда среди зарослей нашла проход и хотела подняться по ступенькам, отпрянула за куст.

В ротонде целовались мужчина и женщина. Да 15